

В. Арутюнян

К вопросу о градостроительной культуре древней Армении¹

4. Город Тигранакерт²

Годы правления Тиграна II (95—56 гг. до н. э.) отличаются развитием в Армении эллинистической культуры. В сложившейся исторической обстановке мощная монархия Тиграна II нуждалась в новой столице.

Новая столица должна была находиться в центре владений Тиграна II и удобно связана магистральными дорогами со всеми частями страны. Выбор места, сделанный для строительства новой столицы — города Тигранакерта, пожалуй, полностью удовлетворял этим требованиям. Находясь в юго-западной части Великой Армении, восточнее городов Малой Армении Аршамашата и Аркатиакерта, новая столица была основана в центре обширных владений Тиграна II. Точное местоположение Тигранакерта долгое время оспаривалось отдельными учеными, и только на основании исследований Леманн-Гаулта и Белька³ окончательно установлено, что Тигранакерт находился в древнем Алдзнике, на левом берегу реки Тигр, на месте нынешнего города Фаркина. Подобное мнение ранее высказывалось и германским фельдмаршалом Мольтке⁴. Такому местоположению Тигранакерта, как отметил акад. Я. А. Манандян, соответствуют и данные таблиц Певтингера⁵.

«Выбор места для города Тигранакерта,— пишет акад. Я. А. Манандян,— следует признать удачным и целесообразным с точки зрения не только политической, но также стратегической и экономической. И действительно, нынешний Фаркин лежит в самом центре империи Тиграна и, будучи расположен на южном склоне Таврских гор, в достаточной мере защищен. Местоположение Тигранакерта представляло весьма большое удобство и с точки зрения торговых сношений, так как он лежал близко около большой царской дороги Ахеменидов и имел тесное общение с крупными торговыми центрами»⁶.

¹ Первую часть этой статьи см. в «Известиях АН Армянской ССР», общественные науки, 1955, № 9.

² Материалы о Тигранакерте взяты из труда акад. Я. А. Манандяна «Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам», Ереван, 1943.

³ *Lehmann Haupt, Armenien einst und jetzt*, стр. 381—429, 501—523.

⁴ *Moltke H. von, Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei (1835—1839)*. Berlin, стр. 287.

⁵ Я. А. Манандян, указ. соч., стр. 66.

⁶ Там же.

Таким образом, местоположение Тигранакерта отвечало как стратегическим, так и экономическим требованиям, т. е. основным принципам эллинистического градостроительства.

Столица Тигранакерт была заложена в 77 г. до н. э., когда, закончив, в основном, свои завоевательные походы, Тигран II занялся внутренним устройством страны. Этот город, по замыслу, не только должен был стать столицей, крупным центром международной торговли и ремесленного производства, но и важнейшим центром эллинистической культуры. Убежденный приверженец этой культуры, Тигран II благодаря энергичным мероприятиям, проведенным за время своего царствования, добился широкого распространения в Армении эллинизма.

Греческие и римские историки (Аппиан, Плутарх, Страбон) неоднократно свидетельствуют о Тигранакерте в связи с описаниями похода Лукулла в Армению, осады и взятия этого города. К сожалению, все эти свидетельства очень фрагментарны и не содержат в себе более или менее обстоятельных описаний города. Однако по ним все же можно составить некоторое представление о Тигранакерте. В армянских летописных источниках (М. Хоренский) также упоминается Тигранакерт, но в них нет сведений ни об основании города, ни его описания.

Из указанных античных авторов наибольший интерес представляет для нас Аппиан, который сообщает: «...Этот город ...царь (Тигран) заложил в этом месте в свою честь: сюда собрал знатных лиц, угрожая при этом, что все то, что они не возьмут с собою, будет конфисковано. Он окружил город стенами высотой в 50 локтей. В толще их было устроено много лошадиных стойл; в предместье города он воздвиг дворец с большими парками, охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление»¹.

Слова из вышеприведенного сообщения «этот город царь (Тигран) заложил... в свою честь», по-нашему, следует объяснить не иначе как стремлением Тиграна II возвеличить свои славные победы строительством замечательного города. По грандиозным масштабам строительства, мощным оборонительным сооружениям и величественным архитектурным ансамблям новая столица должна была соответствовать обширной и могущественной монархии.

Из последующей части свидетельства Аппиана явно следует, что Тигран II заселил свой город «знатными лицами», выходцами из эллинистических городов и представителями армянской знати, причем и тех и других он переселил в город в принудительном порядке.

По словам Плутарха, «как частные лица, так и владетельные особы из уважения к царю старались один перед другим о расширении и красоте столицы»².

Город был обнесен крепостными стенами. Они, как указано выше, имели высоту в 50 локтей и были настолько мощными, что в их толще раз-

¹ App. „Mithridate Eupator“, 84.

² Плутарх, Лукулл, т. V, СПб, 1892, стр. 26.

мешались конюшни конницы Тиграна и, повидимому, другие помещения, обслуживавшие гарнизон города.

В исторических источниках имеются и другие свидетельства о мощи оборонительной системы Тигранакерта. В этой связи интересно заметить, что ни Арташат, ни Тигранакерт римляне фактически не смогли взять приступом. Первый из них был сдан врагу малочисленным гарнизоном города, а второй предан изнутри греками-переселенцами.

О массивности и неприступности тигранакертоких стен упоминает и М. Хоренский в связи с рассказом о взятии города войсками Шапура в 70-х годах IV в.¹ Несмотря на неоднократную осаду, будучи не в силах овладеть городом, персы поручили это пленным грекам, обещав им при удаче свободу.

Если правильны римские источники, то стены города Тигранакерта были полностью разрушены еще при взятии города Лукуллом. Очевидно, с одной стороны, эти сведения явно преувеличены, а с другой — летописец умалчивает о том, что стены были в последующем обновлены и служили надежной защитой города вплоть до IV в. н. э. Кстати, отдельные снимки этих стен дошли до нас благодаря Ломанн-Гаупту.

Вернемся опять к описанию города, сделанному Аппианом. Как рассказывает он, дворец Тиграна «с большими парками, охотничьими ловами и озерами» находился вне черты городских стен, в предместье. Это значит, что роскошная вилла Тиграна имела совершенно обособленное положение, причем ее безопасность обеспечивало воздвигнутое рядом с ней специальное, как называет Аппиан, «сильное укрепление».

Надо полагать, что исключительная живописность местности, ее благоприятные естественные условия вынудили Тиграна построить свой дворец вне городской территории. Возможно и то, что он вынужден был пойти на это из-за неблагонадежности городского населения, в этническом отношении представлявшего исключительную пестроту.

С точки зрения интересующей нас темы достойно внимания и сообщение Плутарха о том, что «город был очень богат, между прочим, и красивыми постройками»².

Другими данными о Тигранакерте в градостроительном аспекте мы не располагаем, но думается, что как приведенные выше, так и другие вспомогательные исторические данные характеризуют Тигранакерт как город эллинистического типа. С чисто архитектурной точки зрения большой интерес представляет сообщение Плутарха о существовании в Тигранакерте театра, который был отстроен как раз перед взятием города римлянами, в 69 г. до н. э. По рассказам Плутарха, Лукулл, ворвавшись в город, был очевидцем того, что «в столице находится очень много актеров, которых Тигран выписал отовсюду для освящения построенного им театра. Лукулл воспользовался их услугами при играх и театральных представлениях во время победного торжества»³.

¹ М. Хоренский, указ. соч., кн. III, стр. 166.

² Плутарх, Лукулл, т. V, стр. 75—76.

³ Там же, стр. 83.

Мы разделяем мнение проф. Г. Гояна, согласно которому театр в Тигранакерте по своим формам воспроизводил образцы эллинистических театров, имевшихся во многих эллинистических городах Малой Азии (Пергам, Приена, Эфес, Милет и др.).

В связи со своим местонахождением Тигранакерт, повидимому, после городов Софены Аршамашата и Аркатакерта, больше был подвержен влиянию эллинистических городов Малой Азии и Сирии, чем другие города древней Армении. Этому в значительной мере способствовали и энергичные мероприятия Тиграна II по распространению эллинистической культуры в Армении, в частности в Тигранакерте. Известно, что именно с этой целью он окружил себя выдающимися представителями культуры эпохи эллинизма, какими были знаменитый ритор из Афин Амфикрат, писатель и философ Митродор Скепсийский, написавший историю царства Тиграна II (к сожалению, не дошедшую до наших дней), и множеством артистов из различных эллинистических городов и т. д.

По повелению Тиграна II, в языческих храмах Армении было поставлено много статуй греческих богов, изъятых из античных храмов различных стран Малой Азии. По всей вероятности, определенная часть этих статуй украшала собой храмы Тигранакерта, которые, на наш взгляд, также воспроизводили формы античных храмов.

Все эти данные, вместе взятые, по-нашему, в достаточной степени характеризуют эллинистический облик Тигранакерта, как города и важного административного, экономического и культурного центра обширного государства Тиграна II.

V. Вагаршапат, или Нор-Кагак

Восстановлением некоторых старых и возникновением новых городов отмечены и последние века рабовладельческой Армении. В середине I в. н. э. при царе Трдате I была восстановлена древняя столица Арташат. В течение I—II вв. возникли два новых города — при царе Санатруке I (100—110 гг.) город Мцуры в Западной Армении и при преемнике его Вагаршаке (117—140 гг.) — город Вагаршапат, в центре Араратской равнины.

Вагаршапат был в сущности последним античным городом Армении. Он возник на месте более древнего населенного пункта — села Вардгесаван, основанного, по всей вероятности, в конце III или в начале II вв. до н. э. Вардгесом — зятем айраратских царей Еруандуни.

Судя по легенде, приведенной М. Хоренским, придя из области Тухов к реке Касах (речь идет о Вардгесе),

«Он пришел и сел на Шреш-холме
Близ Артимида — города у Касах-реки —
Тесать да ваять врата Еруанда царя»¹.

Нам кажется, что в этом свидетельстве историка можно усмотреть

¹ М. Хоренский, указ. соч., кн. II, 65, стр. 112.

прямой намек на местоположение Вардгесавана на Шреш-блуре — небольшом возвышении у современного Эчмиадзина, бегло исследованного археологическими раскопками в 1931 г.

Между тем Вардгесаван при Тигране II был заселен частью евреев, угнанных им из Палестины. Еще задолго до возникновения города Вагаршапата Вардгесаван был большим торговым селением¹.

По поводу строительства Вагаршапата М. Хоренский сообщает, что Вагарш «обвел стеною также большое селение Вардгеса (т. е. Вардгесаван — В. А.), что на реке Кахах». Там же он указывает, что «Вахарш теперь обвел его стеною и большим валом, назвав его Вахаршапатом, иначе Нор-Кахак» (т. е. Нов-город)².

Точное местоположение города и его хотя бы приблизительные размеры до сих пор еще не установлены. По всей вероятности, он находился на той равнине, где теперь расположен Эчмиадзин с его садами и пашнями. Надо полагать, что из всех античных городов Араратской равнины Вагаршапат был в наиболее невыгодных стратегических условиях, так как был лишен тех естественных преимуществ для обороны, какими, как мы видели, обладали Армавир, Ерундашат и Арташат. Следовательно, он целиком должен был полагаться на свои мощные фортификационные сооружения. О наличии крепостных стен, валов и рвов мы имеем свидетельства как у М. Хоренского, так и в других исторических источниках. Но, к сожалению, они столь скупы, что вряд ли на их основании можно составить полное представление о всей системе оборонительных сооружений. Сравнительно ценные сведения можно найти у Агафангела, который в ходе изложения легенды о Рипсимидах косвенно рассказывает и о самом Вагаршапате, его крепостных стенах, дворцовых и других постройках, на которых мы остановимся позже.

Название города *Caene polis* возникло в период римского владычества, и совершенно прав академик Я. А. Манандян, когда отмечает, что «переименование Вагаршапата в *Caene polis* могло иметь место одновременно с провозглашением его «первым городом» или столицей Армении в 163 г.»³.

Об этом периоде, помимо армянских источников, мы располагаем некоторыми сведениями как из античных источников (Касий Дион), так и из найденных в самом Вагаршапате трех эпитафических памятников с надписями на греческом и латинском языках. Если первый из них с надписью на греческом языке являлся надгробной эпитафией, то две латинские посвящены строительной деятельности расквартированного в Вагаршапате римского гарнизона⁴. Его деятельность развернулась вскоре после подавления восстания армян Мартием Вером и разрушения Арташата и, судя по указанным надписям, продолжалась вплоть до 185 г. Хотя в над-

¹ М. Хоренский, указ. соч., кн. II, 65, стр. 112—113.

² Там же.

³ Я. А. Манандян, О торговле и городах . . . , стр. 93.

⁴ Эти надписи, высеченные на камне, частично прочитаны и исследованы различными учеными. См. К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, стр. 251—270.

писях точно и не указываются объекты строительства или восстановления, однако, как правильно предполагает К. В. Тревер, не может быть сомнения в том, что такими объектами были оборонительные сооружения.

Из приведенной Агафангелом легенды о Рипсимидах мы также извлекаем некоторые, хотя и косвенные, но весьма ценные сведения о Вагаршапате. По ним прежде всего можно установить, что на северо-восток от города, за пределами городских стен, простирались виноградные сады, в которых находились специальные здания для обработки винограда и хранения вина. В одном из таких зданий, построенных глубоко в земле (*Հնձանայարկս*), согласно легенде, приютились девицы¹.

Это сведение историка частично проливает свет и на экономическую жизнь города Вагаршапата. Оно дает нам право заключить, что Вагаршапат, будучи одним из торговых центров древней Армении, был одновременно и крупным населенным пунктом, у жителей которого земледелие, в частности садоводство, играло большую роль.

По описанию Агафангела, дворец царя Трдата III, в одной из комнат которого была заключена Рипсима, находился в самом вышгороде (*բերդ*), окруженном системой крепостных стен.

Надо полагать, что внутри вышгорода, кроме дворца, находились и подсобные здания, ибо историк говорит о внутренних улицах (*փողոցս ի ներսայնայնսն*) вышгорода. Народ, собиравшийся веселиться в связи с ожидаемым бракосочетанием царя Трдата с Рипсиме, находился частью на внутренних улицах, частью в вышгороде (*բերդամիջին*), а частью в самом городе (*քաղաքս մեջն*).

Вышгород, или, как называет историк Агафангел, *բերդ* Вагаршапата отличался от вышгородов Армавира, Арташата и других городов древней Армении тем, что, ввиду топографических условий города, он не находился здесь на значительно возвышенном месте, а простирался на сравнительно ровной территории города, вероятно в центре его. Таким образом, не только весь город, но и его наиболее важная часть — вышгород — были лишены естественных условий защиты. Следовательно, крепостные стены, как и другие искусственные сооружения, приобретали здесь первенствующее значение.

В крепостных стенах города открывались ворота, выходившие на важные торговые дороги. Хотя Агафангел и упоминает только о двух воротах, однако надо думать, что в действительности их было больше. Одни из ворот находились в восточной части города и назывались «Արեգ դռնն քաղաքը».

Магистральная дорога на Арташат проходила севернее этих ворот, мимо песчаной возвышенности (*ի սարահանդակ, ի րարձրահանդակ յաւազին տեղի մի*)², что, несомненно, соответствует современной территории храма Рипсима.

Другие ворота Вагаршапата располагались в южной части города

¹ Агафангел, История, Тифлис, 1882, стр. 96 (на арм. яз.).

² Там же, стр. 118.

и открывались на дорогу, которая проходила через мост Мецамора. С этой стороны город был защищен глубоким рвом, наполненным водой реки Мецамор. Эта болотистая полоса водной поверхности, называемая историком «Պարկեն փոս», огибала город («շուրջ գաւր զբաղաւորակ») и, повидимому, играла важную роль в оборонительной системе города.

Таким образом, Вагаршапат обнаруживал черты, общие с другими древними городами Араратской равнины,— система его фортификационных сооружений включала как крепостные стены, так и валы и наполненные водой рвы.

VI. Гарни

Наряду с древними городами Армении мы вправе рассматривать и царскую резиденцию Гарни, ибо этот важный центр армянского эллинизма предоставляет нам наиболее значительный материал, характеризующий культуру Армении эллинистической эпохи, в том числе и культуру градостроительную.

Правда, Гарни не являлся городом в собственном смысле этого слова. Он был лишь летней резиденцией армянских царей и поселением городского типа. Это последнее обстоятельство позволяет нам судить об определенных городских чертах той эпохи. Поэтому вряд ли мы ошибемся, если на основании всего комплекса сохранившихся в этой резиденции памятников попытаемся представить себе общий облик городского акрополя в древней Армении. Отдельные специфические черты этой прославленной в истории армянского народа неприступной крепости не мешают искать те общие черты, которые были между нею и акрополями древних городов Армении.

* * *

Крепость Гарни является пока единственным центром армянского эллинизма, который подвергался и в настоящее время систематически подвергается археологическому изучению. Она обратила на себя внимание путешественников и ученых еще в досоветский период, начиная с XIX в. Некоторые из них бегло описали ее, а Дюбуа де-Монперё даже набросил схематический (видимо глазомерный) план крепости Гарни, составил схему реконструкции храма, опубликовав их в 1839 г.¹

Раскопки на территории крепости были предприняты значительно позже, в 1909 г. Экспедиция Русского археологического общества под руководством Н. Я. Марра и при участии Я. И. Смирнова и арх. К. К. Романова приступила тогда к извлечению из-под земли архитектурных фрагментов разрушенного землетрясением античного храма. Раскопки названной экспедиции проводились вплоть до 1911 г.²

Изучением, съемкой территории крепости и детальным обмером

¹ E. Dubois de Montpéroux. Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesses et les abchases, Paris, 1839.

² Результаты раскопок опубликованы Н. Я. Марром (см. ИАК, 1911, прил. к в. 39, стр. 3); К. К. Романовым (см. «Храм римского типа в Баш-Гарни», из истории докапиталистической формации, М.—Л., 1933, стр. 649.

античного храма в начале 30-х годов занялся проф. Н. Г. Буниатов, который вслед за этим опубликовал монографию о Гарни¹.

Начиная с 1949 г., крепость Гарни и прилегающая к ней с севера территория систематически раскапываются специальной экспедицией Института истории Академии наук Армянской ССР под руководством доктора исторических наук Б. Н. Аракеяна. Раскопки дают весьма интересный материал, среди которого значительное место занимает материал по фортификационному искусству, архитектуре и строительному делу.

Результаты раскопок 1949—1950 гг. уже опубликованы². Готовятся новые публикации по раскопкам последующих лет.

Такова краткая история изучения этого важного центра армянского эллинизма. Мы не сомневаемся, что дальнейшие раскопки предоставят в наше распоряжение много нового и ценного материала по истории культуры и, в частности, архитектуры древней Армении.

* * *

Крепость Гарни упоминается как в античных источниках, так и армянскими историками, однако точными сведениями о времени ее строительства мы не располагаем.

М. Хоренский приводит предание, согласно которому потомок легендарного прародителя армян Айка — Гехам — построил усадьбу или виллу (*ձեռնակերտ*) Гехами, переименованную впоследствии его внуком Гарником в Гарни³. Народная легенда, использованная историком, возможно дала основание некоторым исследователям отнести крепость Гарни к глубокой древности⁴.

М. Хоренский приписывает строительство крепости Трдату III (287—330 гг.), который «завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепленных железными скобами с (залиткой) свинцом. В ней он выстроил также летний дом (*հովանոց*) с комнатами, с чудесными изваяниями в высоком рельефе для сестры своей Хосровадухт и начертал в нем (или: на нем) память о себе эллинскими буквами»⁵.

По мнению многих исследователей, в приведенном выше свидетельстве Моисея Хоренского личность Трдата III (может быть, с целью приписать честь строительства великолепной крепости царю, принявшему христианство) спутана с личностью Трдата I (66—100 гг.). О существовании в Гарни еще в I в. сильно укрепленной крепости мы знаем из сооб-

¹ Н. Буниатов, Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933.

² Б. Н. Аракеян, Гарни, I, Ереван, 1951, его же, Значение раскопок в Гарни для изучения культуры древней Армении, ВДИ, 1953, № 3, стр. 158.

³ М. Хоренский, указ. соч., кн. I, гл. 12.

⁴ См. Г. Левонян, Языческий храм в Гарни, «Научные труды Ереванского Государственного университета им. В. М. Молотова», т. XXIII, Ереван, 1946 (на арм. яз.); Я. А. Манандян, Греческая надпись в Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма, Ереван, 1946 (на арм. яз. с сокращенным русск. переводом).

⁵ М. Хоренский, указ. соч., кн. II, гл. 90 (по переводу И. А. Орбели, заимствованному из книги К. В. Тревер «Очерки по истории культуры древней Армении»).

щения римского историка К. Тацита о нахождении в крепости римских легионов и разразившихся здесь в 51—52 гг. исторических событиях¹.

Чтобы отнести строительство крепости и храма к более раннему периоду, чем к годам царствования Трдата III, имеется и много других доводов, и, прежде всего, об этом свидетельствуют сами памятники архитектуры. Некоторый свет проливает найденная в 1945 г. греческая надпись. Как известно, ряд ученых занимался ее расшифровкой, но единодушного мнения по ее истолкованию по сей день не имеется². Мы считаем излишним останавливаться здесь на различных вариантах чтения этой надписи, однако отметим, что, несмотря на разноречивость толкований гарнийской надписи, она, несомненно, свидетельствует в пользу отнесения гарнийских построек к периоду, предшествовавшему царствованию Трдата III.

Разумеется, крепостные стены, античный храм и другие открываемые раскопками сооружения при датировке памятников в Гарни необходимо рассматривать отдельно. Надо полагать, что они не являются результатом единовременной строительной деятельности.

Мощные крепостные стены, как предполагает Б. Н. Аракелян, в нижних своих рядах могут быть отнесены к глубокой древности, даже к периоду царствования династии Еруандуни (III век до н. э.), а верхние ряды — ко времени царствования Трдата I (I в. н. э.)³. Если согласиться с этим предположением, то, конечно, вполне допустимо, что храм относится к более позднему времени, чем крепостные стены.

Не останавливаясь на различных мнениях в связи с вопросом о датировке памятников Гарни, мы более склонны присоединиться к мнению, высказанному ранее проф. Н. Г. Буниатовым⁴. Он полагал, что храм мог быть сооружен во второй половине I в., когда Трдат I, ездивший в 66 г. в Рим, чтобы представиться императору Нерону и принять из его рук корону, вернулся с мастерами и средствами, полученными в дар от Нерона для восстановления столицы Арташат, разрушенной римскими легионами под предводительством Корбулона. С помощью упомянутых мастеров (по всей вероятности, выходцев из малоазиатских городов) и при участии местных мог быть возведен и античный храм в Гарни. В пользу такого предположения, кроме приведенного выше исторического свидетельства,

¹ К. Тацит, *Анналы*, XII, 45 (перевод В. В. Латышева, ВДИ, 1949, 3).

² См. С. Д. Лисициан, *Греческая надпись Гарнийского храма*, газ. „Советакан Айастан“, Ереван, 23 сентября 1945 г., № 201; Я. А. Манандян, *Греческая надпись Гарни и время постройки Гарнийского языческого храма*, его же, *Новые заметки о греческой надписи о языческом храме Гарни*, „Известия АН Армянской ССР“, 1951, № 4; К. В. Тревер, *Надпись о построении армянской крепости Гарни*, Ленинград, 1949, ее же, *Очерки по истории культуры древней Армении*, М.—Л., 1953, стр. 174—211; А. Абрамян, *Гарнийская греческая надпись*, журн. „Эчмиадзин“, 1947, март—апрель, стр. 61—72 (на арм. яз.). Некоторые замечания по поводу чтения надписи содержатся и у Б. Н. Аракеляна (см. указ. соч., стр. 59—68).

³ Б. Н. Аракелян, указ. соч., стр. 35.

⁴ Н. Буниатов, указ. соч., стр. 16—18.

в частности говорят как архитектурные формы храма, так и примененная при его возведении строительная техника.

Вопрос же датировки остальных памятников (терм и др.), открытых благодаря раскопкам, нуждается еще в уточнении.

* * *

Крепость Гарни, или Трдатахт (т. е. трон Трдата), как называли ее местные жители, расположена на небольшом трехугольном живописном мысу, со сторонами приблизительно $180 \times 330 \times 330$ м. Северо-западная сторона примыкает к обширному горному плато, на котором в свое время находилось поселение городского типа, а теперь селение Гарни.

Следует признать, что основатели летней царской резиденции по достоинству оценили исключительно благоприятные естественные условия мыса. Глубокие обрывы окружают большую часть контура территории крепости и делают ее совершенно неприступной, дивный горный пейзаж, одухотворяющий человека, замечательные виды, открывающиеся на все стороны, чистый воздух, прозрачная и студеная вода и, наконец, значительная близость от столицы Арташат,— все эти факторы, вместе взятые, конечно, заслуживали высокой оценки. Строители крепости, весьма разумно использовав природные условия местности, сочли необходимым дополнительными сооружениями обеспечить ее неприступность в тех местах, где крепость могла быть уязвима.

Значительная часть контура крепости окружена головокружительными пропастями, совершенно недоступными для человека. Отвесные базальтовые скалы, спускающиеся ко дну ущелья, по которому протекает шумная горная речка Азат, и большая террасообразная долина в виде огромного, созданного природой амфитеатра, на котором теперь простираются сады и виноградники, создавали крепости исключительно благоприятные условия для обеспечения совершенной неприступности.

Мощными крепостными стенами были обнесены примыкающая к плато сторона трехугольного мыса, а также часть северо-восточной стороны. Указанные сооружения, защищающие крепость в наиболее доступных частях, вместе с глубокими обрывами остальных частей ее контура также служили ей надежной защитой.

Все стены сооружены из крупных базальтовых блоков, хорошо пригнанных друг к другу и скрепленных между собой железными скобами, изогнутые концы которых одеты в гнезда камней и затем залиты свинцом. Высота рядов правильной блочной кладки достигает 80 см, длина — более 2 метров. Громадные, хорошо обработанные базальтовые блоки по весу достигают 5—6 тонн¹. На месте раскопок обнаружены и представляющие интерес строительные инструменты. Среди них найдено зубило, которым снимали ленту по контуру камня на лицевой его стороне.

Общая протяженность крепостных стен составляет 314 метров, из которых на долю северо-западных стен приходится 170 метров, а северо-

¹ Все данные о крепостных стенах заимствованы из указ. соч. Б. П. Аракеляна.

восточных — 144 метра. Они дугообразно огибают примерно $\frac{2}{5}$ общего контура крепости в направлении с северо-запада на северо-восток. В средней части дуги, направленной к северу, сильно выдвинуты наружу крепостные ворота, имеющие ширину 2,18 метра.

Общее очертание крепостных стен явно приспособлено к местности. По расположению они образуют дугу не плавной кривой, а ломаными линиями, с прямоугольными в плане башнями в местах излома стен. Такое расположение стен, очевидно, создавало благоприятные условия для их защиты и значительно улучшало возможность поражения неприятеля.

Тот факт, что прямоугольные башни имели скорее стратегическое, чем конструктивное (контрфорсы) значение, подтверждается и разницей в расстоянии между ними в северо-западных и северо-восточных стенах, тогда как башни (обычно квадратные в плане, со сторонами примерно 6×6 метров) в северо-западной стене отдалены друг от друга на 10—12 метров, башни северо-восточной стены отстоят друг от друга на 26—32 метра, что, как справедливо отмечает и Б. Н. Аракелян, может быть объяснено более ответственной в оборонительном отношении ролью северо-западных стен. Именно поэтому здесь, на протяжении 170 метров, имеется 10 башен, тогда как в северо-восточной стене на протяжении 144 метров их всего 4.

Аналогичная система городских оборонительных стен с ломаным очертанием и расположением прямоугольных в плане башен в местах излома отдельных участков стен известна в греко-эллинистической градостроительной практике. Стены Гарнийской крепости можно было бы сопоставить с крепостными стенами греческих городов Приены и, в частности, одного из важнейших малоазиатских городов Греции — Милета, где стены большей протяженности имеют ломаное очертание в плане, с прямоугольными башнями, расположенными не так близко друг к другу, как в Гарни, а именно на расстоянии 50 метров¹. Правда, башни милетской стены не так монолитны, как гарнийские; они полые. Как справедливо предполагает Б. Н. Аракелян², башни гарнийских стен в верхней, ныне разрушенной части также могли быть полыми.

Таким образом, оборонительные сооружения Гарнийской крепости как техникой возведения, так и своей системой обнаруживают явное сходство с оборонительными сооружениями греко-эллинистического мира.

В этой связи хочется отметить, что мы не разделяем мнение Б. Н. Аракеяна³, который, на наш взгляд, в крепостных сооружениях Гарни преувеличивает значение местных традиций, преимущественно урартских, умаляя в то же время значение влияния греко-эллинистических и римских традиций. Вообще мы не отрицаем участия местных, в частности урартских архитектурно-строительных традиций в формировании архитектуры армянского эллинизма. Однако, как нам кажется, именно в памятниках архитектуры Гарни они слабее всего отражены.

¹ „Всеобщая история архитектуры“, т. II, кн. I, Москва, 1949, табл. 132, рис. 5.

² Б. Н. Аракелян, указ. соч., стр. 32—33.

³ Там же, стр. 33—35.

Крепостные стены значительно разрушены. Несмотря на монолитность, достигнутую огромными размерами камней и высокую для того времени технику кладки, время и исторические события сделали свое дело. Камни от разрушившихся крепостных стен можно увидеть тут же, у стен основания крепости, на сельском кладбище, в стенах крестьянских домов, в ущелье. Высота сохранившихся северо-западных стен достигает 7 метров, а северо-восточных — 8 метров. Какова была их высота до разрушения — установить трудно. Одно только ясно, что, ввиду неспокойности рельефа, стены имели в различных частях различную высоту. Б. Н. Аракелян¹ считает, что высота крепостных стен, подобно Тигранакерту, могла доходить до 26 метров, с чем, однако, трудно согласиться.

Объем произведенных раскопок пока еще не позволяет восстановить полную картину бывшего величия царской резиденции, весь ее ансамбль, планировку, степень благоустройства и т. д. Однако доступный нам материал кое-что уже говорит. Очевидно, важное место во всем ансамбле крепости занимал храм, стоявший обособленно от остальных зданий на расстоянии 200 метров от крепостных ворот. Если продолжать продольную ось храма, то она проходит по середине крепостных ворот. В такой постановке храма не трудно усмотреть явную тенденцию ориентировать его на въезд в крепость с тем, чтобы своими величественными формами он сразу же предстал перед взором вошедшего.

Храм, от которого теперь сохранились лишь развалины, представляет собой периптер с 6×8 колоннами римско-ионического ордера, окружающими небольшую целлу, поставленную на высокий подиум, на который ведут 9 ступеней главного фасада.

Весь храм выстроен из того же местного базальта серовато-синего оттенка, что и крепостные стены, и при кладке применена та же эллинистическая техника. Все камни целлы, колонн и другие элементы храма скреплены металлическими скрепками, в гнездах залитых свинцом. Известковый раствор применен здесь только для забутовки фундамента. Отделка всех деталей (профилированные элементы карнизов подиума, камней плафона, баз и капителей колонн, антаблемента и фронтона) произведена исключительно тщательно и тонко. В частности, тончайшим рельефом покрыты фризы.

Как во всей композиции храма, так и в технике его возведения сочетаются эллинистические и римские традиции, что, бесспорно, свидетельствует о влиянии архитектуры восточных провинций Рима, где вплоть до II—III вв. были живучи традиции эллинизма, тогда как в самом Риме еще в I в. в строительной технике произошел переворот, повлекший за собой существенные изменения и в архитектуре. И, конечно, вполне права К. В. Тревер², когда аналогию Гарнийского храма ищет не в самом Риме, а на территории восточных провинций империи, в частности в Малой Азии.

¹ Б. Н. Аракелян, указ. соч., стр. 34.

² К. В. Тревер. Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 51—67.

Разумеется, на территории крепости, кроме храма, должны были быть и другие постройки: небольшой дворец, баня, различные подсобные здания, казармы малочисленного гарнизона и т. д. Они могли находиться на той сравнительно небольшой территории, которая простирается справа, если от крепостных ворот направиться в сторону храма. Другого более подходящего для них места на территории крепости и не могло быть. И ось ворот направлена в ту же сторону для того, чтобы эта группа зданий предстала перед входящим в крепость наряду с храмом.

Раскопки последних лет, произведенные на указанной территории, уже начинают давать положительные результаты. Недалеко от храма (западнее его) обнаружены остатки какого-то здания, быть может летнего дворца, имевшего зал с вытянутыми в один ряд колоннами. Здание это в достаточной степени еще не исследовано.

Произведенными в 1953 и 1954 гг. раскопками открыты остатки бани. В 1953 г. была открыта принадлежащая этой бане квадратная (размером 2,9×2,9 метра) комната с мозаичным полом неплохой сохранности. Тема мозаичной композиции взята из греческой морской мифологии. На мозаике имеются надписи на греческом языке. Остальные 4 помещения бани были открыты в 1954 г., после чего по открытым остаткам удалось точно установить, что она относится именно к античной эпохе¹.

Таким образом, на указанной территории один за другим открываются остатки памятников античной эпохи, дополняющие наши представления об архитектурном облике крепости.

Несколько слов относительно водоснабжения крепости. Вопрос этот, разумеется, не мог выпасть из поля зрения строителей. Правда, водопроводная сеть до сих пор еще не обнаружена, но это следует объяснить тем, что та часть территории, по которой она могла пролегать, пока еще не раскопана. Несомненно, вода подавалась гончарными трубами, проложенными под землей. Магистраль могла пройти в крепость лишь через ее ворота, так как значительная глубина фундаментов северо-западных стен не позволила бы пропустить ее.

Найденная при раскопках единственная гончарная труба вероятно принадлежала водопроводной сети. По своим размерам она несколько отличается от средневековых гончарных труб, которые были найдены в Ани и Двине, а также в Гарни. Ее длина составляет 65 см, больший диаметр — 25 см и малый — 19 см.

Рассмотренные нами памятники вместе с другими археологическими материалами (фрагменты античных мраморных статуэток и архитектурных деталей, изделия из стекла, античные монеты, некоторые с греческими надписями, и т. д.), дополняя друг друга, подчеркивают эллинистическо-римский характер как сооружений, так и всей культуры Гарни.

Таким образом, бегло характеризуя крепость Гарни и рассматривая ее как акрополь города древней Армении, мы и здесь видим те же античные черты градостроительной культуры, которые были отмечены и в характеристике других городов древней Армении.

¹ Б. Аракелян, О новооткрытой мозаике в Гарни. «Известия АН Арм.ССР», 1954, № 7.

* * *

На основании доступных нам исторических сведений и, частично, археологического материала мы пытались проследить условия развития городов древней Армении и в общих чертах обрисовать их градостроительный облик.

Конечно, при отсутствии необходимых фактических материалов, полученных путем раскопок хотя бы одного-двух городищ, трудно осветить все вопросы, связанные с характеристикой градостроительной культуры древней Армении. Многие интересующие нас вопросы, как, например, вопрос общей планировочной композиции, остаются для нас пока неизвестными. Тем не менее, рассмотренный нами материал о городах древней Армении — Армавире, Ерундашате, Арташате, Тигранакерте и Вагаршапате, а также крепости Гарни — позволяет обобщить некоторые отличительные черты их градостроительного облика.

Прежде всего следует отметить, что города древней Армении возникали, как правило, в соответствии с экономическими и стратегическими интересами государства, главным образом на важнейших торговых, стратегических дорогах и были связаны ими с другими наиболее значительными городами как внутри самой страны, так и вне ее пределов, где шла международная караванная торговля.

Города древней Армении можно было бы разбить на две группы: возникшие на месте более древних городов или населенных пунктов (Армавир, Вагаршапат) и отстраиваемые заново (Арташат, Тигранакерт и др.). Если первая характерна сочетанием местных градостроительных традиций с эллинистическими, то вторая — влиянием эллинистической культуры, которое здесь сказалось более четко.

При основании городов наряду с другими вопросами большое значение придавалось вопросу обеспечения их безопасности. С этой целью строители прибегали как к использованию естественных условий местности, так и к созданию оборонительной системы. Именно этим и следует объяснить тот факт, что города основывались либо у слияния двух рек (Ерундашат, Арташат), либо просто на берегу реки (Армавир, Тигранакерт), причем водные пространства не только защищали подступы к городу от неприятеля, но и снабжали город водой, а также использовались для средства переправы строительного материала для нужд строительства города (Арташат). О жизненном значении рек для городов древней Армении свидетельствует факт утраты Армавиром (в III—II вв. до н. э.) и Арташатом (в IV—V вв. н. э.) своего бывшего значения после перемещения русла реки Ерасх (Аракс).

Города обеспечивались также мощными стенами, высота которых в отдельных случаях превышала 25 метров. Стены подчас были настолько толсты, что в них помещались конюшни и другие помещения гарнизона города (Тигранакерт). Оборонительная система в отдельных городах усиливалась устройством рвов, наполненных водой, и земляных валов (Арташат, Тигранакерт, Вагаршапат).

В городских стенах открывались несколько ворот, которые выходили

на важнейшие торговые и стратегические дороги, связывающие между собой города страны. Обычно эти ворота назывались именами тех городов, населенных пунктов, куда вела дорога. В тех случаях, когда крепостные стены граничили с рекой, против открываемых в них ворот перекидывались мосты через реку (мост Таперакан через реку Ерасх и мост через реку Мецамор в Арташате и др.).

Как правило, все города имели акрополь или вышгород, который располагался на возвышенном месте, холме (Армавир, Еруандашат, Арташат) и окружался самостоятельной системой крепостных стен. Ворота акрополя, иногда металлические, имели приставные лестницы (Еруандашат). Непременной принадлежностью акрополя являлись дворцы, храмы и другие, подсобные, здания для обслуживающего персонала и гарнизона. В отдельных городах (Тигранакерт) сильно укрепленная виλλα царя находилась недалеко от города и имела в своем комплексе пруды, места для охоты и т. д.

Эллинистический облик городов древней Армении, помимо общих с городами эллинистического мира черт, характеризовался и целым рядом других особенностей, в числе которых можно отметить, прежде всего, многонациональный состав населения, со значительным преобладанием выходцев из эллинистических городов Малой Азии.

Этот облик определялся также широким распространением эллинистической культуры (конечно, в первую очередь, среди царской рабовладельческой знати): наличием театров, по всей вероятности античного типа (Арташат, Тигранакерт), в которых ставились трагедии на греческом языке (Арташат), античных храмов (Армавир, Арташат, Тигранакерт, Гарни), где устанавливались статуи греческих богов, вывезенных из храмов стран Малой Азии, широким использованием для надписей греческого (Армавир, Тигранакерт, Гарни) и латинского (Вагаршапат) языков и целым рядом других черт.

В городах Армении в этот период широко распространяются традиции эллинистической архитектуры и строительной техники.

Установлен также факт существования городского самоуправления (Тигранакерт).

Наконец, сильно развитые ремесла, наличие жителей, целиком оторванных от земледелия и живших преимущественно доходами ремесленного производства или торговли, также являются характерными особенностями городов древней Армении.

Все отмеченные факты дают нам, безусловно, основание утверждать, что в III в. до н. э.— II в. н. э., в период наибольшего расцвета городов древней Армении, одной из отличительных черт было распространение эллинистической градостроительной культуры, благотворное влияние которой сказалось на их общем архитектурном облике. В древней Армении эллинизм обогатил местные архитектурно-строительные и градостроительные традиции новыми, более прогрессивными для того времени чертами.